Шевцов Константин Павлович

ЭКЗИСТЕНЦИЯ МЕЖДУ ВОСПОМИНАНИЕМ И ПОВТОРЕНИЕМ

В статье показано, каким образом ставится проблема памяти в экзистенциальной философии Кьеркегора. Воспоминание и память долга составляют основу идентичности субъекта на эстетической и этической ступенях экзистенциальной диалектики, однако Кьеркегор выделяет еще и такую форму памяти как вера в повторение и требование повторения, благодаря которым единичный субъект достигает определенной соизмеримости истине абсолютного бытия, становится, подобно библейским Иову и Аврааму, свидетелем бытия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/3-2/57.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (53): в 3-х ч. Ч. II. С. 219-221. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1(091)
Философские науки

В статье показано, каким образом ставится проблема памяти в экзистенциальной философии Кьеркегора. Воспоминание и память долга составляют основу идентичности субъекта на эстетической и этической ступенях экзистенциальной диалектики, однако Кьеркегор выделяет еще и такую форму памяти как вера в повторение и требование повторения, благодаря которым единичный субъект достигает определенной соизмеримости истине абсолютного бытия, становится, подобно библейским Иову и Аврааму, свидетелем бытия.

Ключевые слова и фразы: память; воспоминание; повторение; прошлое; утрата; вина; требование; парадокс; свидетельство.

Шевцов Константин Павлович, к. филос. н.
Санкт-Петербургский государственный университет
shvkst@gmail.com

ЭКЗИСТЕНЦИЯ МЕЖДУ ВОСПОМИНАНИЕМ И ПОВТОРЕНИЕМ[·]

Субъект новоевропейской философии воплощает собой всеобщность разума, или познающей способности, но эта всеобщность реализована в человеке, единичном субъекте, со своей историей и окружением, склонностью к ошибкам и подверженном страстям, вот почему возникает необходимость говорить не только о разуме и его определяющих суждениях, но и о суждениях более частной, но в житейском отношении не менее значимой способности, а именно – памяти и привычке. Декарт рассуждает о памяти в связи с вопросом об индивидуальном бессмертии души [2, с. 564], Локк строит на памяти концепцию тождества личности [6, с. 390], Юм решает вопрос о причинности, апеллируя к суждениям привычки [9, с. 201; 10, с. 142]. Важную роль играет память и в философии духа у Гегеля, отмечая собой путь, который проходит чувствующая душа, чтобы подняться к всеобщности мышления. Очевидно, что отказ от этой рациональной всеобщности должен неминуемо затронуть и проблему памяти и через переосмысление памяти прийти к новой концепции субъекта. Этот шаг мы находим в экзистенциальной философии Кьеркегора, а именно – в его размышлениях о воспоминании и повторении.

Гегелевская система, считает Кьеркегор, обещает дать всему объяснение и охватить весь мир в едином всемирно-историческом обзоре, но совершенно упускает то, что составляет главный интерес метафизики, – человеческое существование и его предназначение, которое совершается лишь в движении веры. Логическое опосредование может быть лишь имитацией подлинного движения, но действительный переход, утверждает Кьеркегор, достигается не в опосредовании, а в повторении. Эта новая категория, которая еще только должна быть разработана философией, не является, тем не менее, чем-то совершенно неизвестным философам, ведь только она и , проясняет соотношение между учениями элеатов и Гераклита» [5, с. 30] и дает , исчерпывающее выражение для того, что у древних греков называлось *воспоминанием*ī [Там же, с. 7]. Собственно, , повторение и воспоминание – одно и то же движение, только в противоположных направлениях: воспоминание обращает человека вспять, вынуждает его повторять то, что было, в обратном порядке, – подлинное же повторение заставляет человека, вспоминая, предвосхищать то, что будетī [Там же]. Поскольку повторение трансцендентно и является делом веры, а не чистого мышления, введение этой категории равносильно отказу от любой спекулятивной системы; при этом такой отказ вовсе не означает отказа от памяти, напротив, именно в воспоминании Кьеркегор находит основу и прообраз для повторения, более того, именно с воспоминания он начинает движение в сторону единственно подлинного повторения – религиозного.

О воспоминании Кьеркегор рассуждает не только в , Повторениии, но и в трактате , Или – или, законченном всего полгода спустя после разрыва со своей невестой Региной Ольсен. В первой части книги, выражающей позицию , эстетика», воспоминание представлено как оппозиция временному потоку жизни, поскольку, подхватывая ускользающий момент настоящего, повторяя его, но уже в качестве прошлого, а не настоящего, оно открывает в нем завершенность вечности, удовольствие, которое , полнее, чем любая реальность, – да и гораздо надежнее ееī [6, с. 57]. Прошлое нас радует именно потому, что оно прошло и больше не подвластно времени, но своим блаженством оно, вместе с тем, обрекает нас на потерянность в настоящем, на участь несчастного, который всегда промахивается мимо момента счастья, либо предаваясь надежде на будущее, либо уходя с головой в воспоминание утраченного удовольствия. Счастье , эстетикаī – в чувственном мгновении, но как раз это мгновение неудержимо; привязанность к нему не позволяет обрести устойчивость в настоящем, разделяя сознание между настоящим и прошлым или только ожидаемым будущим[1]. В , Феноменологии духаī Гегель называет несчастным сознание, которое впервые обретает свободу в отношении

· Шевцов К. П., 2015

[1] В. Подорога точно подмечает своеобразие кьеркегоровской временности, хотя важно помнить, что речь в этом случае идет лишь об *эстетическом* переживании времени: , На равном расстоянии между моим настоящим и моим будущим – прошлое, которое настолько мгновенно переводит восприятие в воспоминание, что само восприятие становится лишь одной из форм воспоминания. Я воспринимаю только потому, что вспоминаю; воспринятое, отражаясь, становится воспоминаниемī [8, с. 100].

наличного бытия, но тем самым оказывается обреченным на удвоение и неразрешимое противоречие в самом себе [1, с. 112]. Во фрагменте, названном , Несчастнейшийh, Кьеркегор предлагает свое переосмысление этого понятия: , эстетикh, как и скептик у Гегеля, утрачивает наличную реальность настоящего; очарованный воспоминанием или надеждой, он обречен быть раздвоенным в себе и поэтому всегда отсутствует для себя, он обречен быть слишком рано или поздно, почему у него никогда не хватает времени, обречен быть бессильным, но не из-за отсутствия силы, а потому что , его собственная сила делает его бессильнымh [6, с. 256]. , Воспоминание – это поистине главный, действительный компонент несчастного сознанияh [Там же, с. 253].

Вторая часть , Или – илиh представляет позицию этического субъекта, для которого временность и память определяются абсолютной значимостью выбора себя, то есть принятием полной ответственности за свое существование. Судья Вильгельм – автор писем, обращенных к эстетическому персонажу из первой части книги, – полагает, что в несчастном сознании для , эстетикаh появляется шанс пережить по-настоящему глубокую страсть – отчаяние, которое способно подвести его к принятию этического выбора. Его логика вторит логике кантовского практического разума: голос долга может быть услышан лишь в страдании [4, с. 461], и чем глубже страдание, тем более возвышенным является уважение к долгу, вырывающее из плена эстетической (у Канта – патологической) субъективности. Впрочем, кантовский моральный субъект должен быть полностью вырван из порядка временного существования, тогда как у Кьеркегора мы находим, скорее, обратную ситуацию. Выбор впервые придает времени действительную упорядоченность, поскольку учит видеть в настоящем не только быстротечные моменты чувственного переживания, но и неторопливую длительность отношений с другими людьми, постоянное воспроизведение чувства любви и верности мужа к жене, тихое повторение моментов счастья и полноты в близости и взаимной привязанности существований [6, с. 618]. Это повторение – уже не прежнее воспоминание, которым было наполнено эстетическое существование, , не память на то или иное событие, не память на мысли, остроумные словечки или диалектические извивыh, нет, это память, которой , эстетикуh как раз решительно не хватает, , память на собственную жизнь, на то, что пережито в этой жизниh [Там же, с. 674]. Этический выбор, подчеркивает судья Вильгельм, не опровергает эстетическое существование, но пронизывает его собой и преображает, наполняя отельные мгновения времени значимостью высшей силы, на которую человек не может не опираться в своем выборе; в это мгновение , он понимает себя самого как того, чью память не сотрет никакое время, когда он в некоем серьезном и необманном смысле осознает себя как того, кем он естьh [Там же, с. 682].

Поскольку мы не творим сами себя из ничего и не растворяемся в ничто ради некого всеобщего морального законодательства, временность и память оказываются глубочайшим образом включены в осуществляемый нами выбор. В этом выборе мы принимаем на себя существо, которое было сотворено Богом и уже присутствует в бесконечной множественности своего прошлого и настоящего, поэтому принять его мы можем лишь в качестве уникальной *истории* существования, без которой было бы невозможно признание тождества самих себя [Там же, с. 691]. Но выбор – это не только принятие своего бытия, но еще признание вины перед Богом и раскаяние в том, что мы всегда опаздываем к собственному творению. Именно это неустранимое чувство вины и есть наша память самих себя, причем признание вины по существу своему есть уже и наше оправдание Богом, которое превращает эту временн*ую* память в память нестираемую и вечную [Там же, с. 692]. Очевидно, для Кьеркегора важен не только выбор некой предзаданной меры бытия, поскольку сам выбор уже есть *установление* некой меры существования, которая определяется в отчаянии и раскаянии субъекта, в страхе перед собственным ничто и в страсти, с которой он решается на это ничто как возможность собственного существования. Это значит, что *память* принимается не только как благость Бога (как это происходит у Локка, у которого выбор всегда уже предполагает память и поэтому представляет собой расчет издержек и выгод в перспективе будущих наград и наказаний), но и *утверждается самим выбором* в качестве свидетельства принятого решения, впервые взятой на себя меры ответственности. В этом отношении показательно, что пример, к которому сходятся рассуждения судьи и который должен пояснить непосредственность, но также силу и осознанность выбора, связан как раз с запоминанием и выделяет как бы две различные модальности памяти: прирожденную способность памяти и память соприродную воле, свидетельствующую о значимости принятого решения. Судья рассказывает, как в пять лет, отправившись в школу, он получил свое первое домашнее задание и должен был выучить десять строк из учебника. Хорошая память позволила быстро справиться с делом, а несколько повторений вечером и утром закрепили знание заученного, но спустя годы судья вспоминает не этот успех природной способности к запоминанию, а нечто совсем иное. , Мне казалось, – пишет он, – что небо и земля непременно рухнут, если я не выучу своего урока; с другой же стороны, мне казалось, что, даже рухни на деле небо и земля, такое потрясение никоим образом не освободит меня от обязательств, которыми я был связан, то есть от подготовки моего урокаh [Там же, с. 743]. То, что вспоминается судье, не является ни раскаянием и виной, ни историей, определяющей тождество этического субъекта, скорее, это момент, с которого впервые начинается определенная история, поскольку ребенок, о котором рассказывает судья, не просто заучивает урок, но принимает это дело памяти как свою ответственность перед настоящим, перед миром, в котором он таким образом обретает собственное настоящее, и перед самим собой, на котором отныне держится настоящее этого мира.

Позиция , этикаh подводит к вопросу о том, что должен представлять собой выбор в отношении не только конечного существования человека, но и в отношении Бога. Кьеркегор размышляет над парадоксом бесконечного выбора как выбора веры во многих сочинениях, при этом в одном из них – в повести , Повторениеh – разработка этой проблемы оказывается напрямую связана с проблемой воспоминания. , Повторениеh написано

во время второй поездки в Берлин, куда Кьеркегор фактически сбегает в апреле 1843 года после случайной встречи в церкви с Регионой Ольсен, как, впрочем, это было и с его первым отъездом в Берлин, последовавшим за разрывом помолвки и скандалом, поднятым семьей Регины, и в этом смысле само появление повести обязано повторению. Если первая часть повести в целом воспроизводит проблематику эстетической и этической памяти из , Или – или‚, то ее вторая часть перечеркивает голос рефлексии верой в вечное повторение. Отчаяние молодого человека, испугавшегося своих чувств к девушке и в конце концов утратившего возлюбленную, сменяется надеждой, которую вселяет пример библейского Иова, потерявшего все, кроме веры в собственную невиновность перед Богом. Бог лишил Иова всех благ, которые тот имел, и наградил проказой как даром мучительной памяти и печатью неискупленной вины перед Богом. Этот знак отчаяния был мгновенно распознан этической способностью суждения, и друзья Иова призывали его, подобно судье Вильгельму из , Или – или‚, признать свою вину, в чем бы она ни состояла, раскаяться и просить прощения у Бога. Но Иов не знает за собой вины и не признает себя виновным, и это упорство в сознании своей правоты так вдохновляет молодого человека, который не считает виной свою любовь, не может признать *своей* виной то, что страсть его разрушает его отношения с возлюбленной и надежду на счастливый брак.

Этический взгляд видит виновность человека в том, что тот приходит поздно и, хотя и принимает дар бытия как дело собственного наслаждения и собственного выбора, может нести его в себе лишь как утрату и воспоминание о том, что было и уже не может повториться. Однако Иов не держится за это бытие и не живет его утратой как виной перед Богом; его память – это не разделение между прошлым и настоящим, а простота, с которой он остается верен себе в каждый момент времени, это само его конечное присутствие целиком и без остатка перед Богом, и именно оно теперь становится основанием его требования, обращенного к Богу. Он виновен в своем бытии, но своим требованием он оказывается уже и оправдан Богом, потому что его виновность была лишь искушением, которое он победил своей верой. Страх ничто открывается человеку в его желании быть, но требование Иова – это желание, которое превозмогает ничто как утрату и обращено к повторению, то есть к тому самому моменту, когда, избранный Богом, он изначально обретает бытие. Само это требование представляет собой более радикальную память, чем этическая память вины, поскольку оно есть память предшествующей вине невиновности, и значит Иов действительно виновен и невинен перед Богом, его вера абсурдна, но только в этом абсурде и достигается соразмерность конечного бытия человека и вечности Бога. Отказываясь от прежних претензий субъекта на всеобщность осуществленной в нем истины разума, Кьеркегор находит возможность истолкования места единичного субъекта в бытии в памяти как парадоксальном признании вины и вере в конечную невиновность человека, которая позволяет ему свидетельствовать о себе в бытии и требовать признания своего свидетельства как абсолютного совершения истины его бытия. В этом смысле , Повторение» Кьеркегора есть поразительное свидетельство его личной драмы, сплетение отсрочек, рефлексий, жалоб, умолчаний и признаний, в которых пережитое отлито в исключительную *меру* существования – экзистенцию, которая есть память и , аббревиатура‚ [3, с. 4] конечного и бесконечного, необратимое движение в будущее и прошлое, раскрывающее временность человека в вечности повторения.

Список литературы

1. **Гегель Г. В. Ф.** Феноменология духа. СПб.: Наука, 1992. 444 с.
2. **Декарт Р.** Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1994. Т. II.
3. **Исаева Н., Исаев С.** Лестница в небо – виртуальный проект // Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к , Философским крохам‚. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005.
4. **Кант И.** Сочинения: в 8-ми т. М.: Чоро, 1994. Т. 4.
5. **Керкегор С.** Повторение. М.: Лабиринт, 1997. 160 с.
6. **Кьеркегор С.** Или – или. Фрагмент из жизни: в 2-х ч. СПб.: Издательство Русской Христианской Гуманитарной Академии; Амфора, 2011. 823 с.
7. **Локк Дж.** Сочинения: в 3-х т. М.: Мысль, 1985. Т. 1.
8. **Подорога В.** Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX-XX веков. 2-е изд-е, перераб. и доп. М.: Канон+; Реабилитация, 2013.
9. **Шевцов К. П.** Память в учении Юма о причинности и тождестве , Я‚ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 11 (25). Ч. II. С. 200-203.
10. **Юм Д.** Сочинения: в 2-х т. 2-е изд-е, доп. и испр. М.: Мысль, 1996. Т. I.

EXISTENCE BETWEEN REMEMBRANCE AND REPETITION

Shevtsov Konstantin Pavlovich, Ph. D. in Philosophy
Saint Petersburg State University
shvkst@gmail.com

The article shows how the problem of memory is defined in Kierkegaard's existential philosophy. Remembrance and the memory of duty are the basis of subject's identity at the aesthetic and ethical levels of existential dialectic, but Kierkegaard identifies such form of memory as belief in repetition and the demand of repetition, due to which a single subject reaches certain commensurability in relation to the truth of absolute being, becomes, like biblical Job and Abraham, the witness of life.

Key words and phrases: memory; remembrance; repetition; past; loss; guilt; demand; paradox; witness.